

«Двери убо суть писм[ен]а. Внятрѣне же дверей чрътога съкровеннаа в нем мыслией неизреченнаа доброта истиннаг[о] духа.

«И тако благопождателне тлъцем и прочтем елико возможно многощи и таковое скровище разума копающе обрящем и богатства его насладимся. Всяк бо просяй приемлет и ищай обрящет и тлъкущему отвѣрзаетс[я]. И тогда аще с чистым и смиренным сердцем, вся предреченнаа может в книзе сей разумети. А щели ж кто всуе прочитает и с неверием, не ползы ради душевныа, но ищя словес дабы друга препрети и дабы себе иног мудрейши показати и дменем гръдости шатався отвсуду, таковой ничто ж полезно обрящет, токмо себе прелщати начинается. И паки: премудрос[ть] плотскаа — смерть глаголетс[я].

«К сим ж, аще хошеим известно разумети сию книгу, известно прочти Моисеовы книги пят и другаа по сих: и пророческиа книги, и откровение Иоанна Богослова, и грановныа Логисеи, и Небеса и прочаа и вкратце рещи вес закон ветхий и новый известно прочтет обрящеши вся откровенна. Аминь».⁶²

Назначение «Сказания» состояло в том, чтобы, с одной стороны, открыть доступ к книгам Ареопажита для недостаточно подготовленных к ним читателей, а с другой, — предупредить против религиозного вольномыслия, для которого Ареопажит мог служить источником. Предупреждение против тех, которые читают Ареопажита, «ища словес дабы друга препрети», являлось обобщением практики.

Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопажита возбуждали свободную мысль не только в конце или, может быть, во второй половине XVI в., когда появилось «Сказание» о его книгах. Наиболее содержательным и страстным временем литературной истории сочинений Псевдо-Дионисия Ареопажита на Руси был, по нашему мнению, конец XV—начало XVI в., когда Ареопажитом пользовались, как мы знаем из послания Геннадия к ростовскому архиепископу Иоасафу, новгородские вольнодумцы и когда писцы Геннадия размножали списки Ареопажитских сочинений, рассылая их по монастырям и вооружая деятелей православия. Как использовали новгородские вольнодумцы сочинения Псевдо-Дионисия? Зная по другим фактам повышенный интерес новгородских вольнодумцев к гуманистической культуре, справедливо будет предположить, что они разрабатывали Псевдо-Дионисия в круге тех идей, которые мы отметили у Марсилиа Фичино и Дживованни Пико дела Мирандола.

Что в начале XVII в сочинения Ареопажита вызывали у русских читателей, хотя и отнюдь не еретически настроенных, ассоциации, близкие Фичино и Мирандоле, это мы достоверно узнаем по рукописи сочинений Ареопажита из Пискаревского собрания (№ 228/45).⁶³ Поля ареопажитских сочинений в этом списке усеяны глоссами.

По нижним полям на листах рукописи идут киноварные резюме

Вот резюме на развороте лл. 191 об.—192: «Разумий, яко плот[ь] несть вещь зла, понеже егда душа от плоти разлучится, тогда ни благаго не можем сотворити, ни злаго».

На лл. 206 об.—207: «Зде разумей, яко нужна вещь тела наше[го], яко соисполнительница миру».

На лл. 212 об.—213: «Разумей, яко грех не составен в нас, но от невнимания приходит к нам и слабости».

⁶² Рук № 182 собр Егорова в ВБЛ, л 1—1 об.

⁶³ В собраниях ВБЛ.